

DOI 10.25991/AE.2019.12.51.016
УДК 82–311.6

А. А. Митрофанова

кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
a_blum@mail.ru

МАКСИМ ГОРЬКИЙ НА СТРАНИЦАХ РОМАНОВ ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

В статье устанавливаются мировоззренческие и художественные связи между творчеством М. Горького и В. Пикуля. Горький является героем петербургских событий первой русской революции в романе В. Пикуля «На задворках Великой империи». Пикуль работал с журналистикой Горького, его письмами, архивом как с историческими источниками. Улавливается полемика с горьковским пониманием эпохи, его идеологическими оценками. В контексте культуры XX века возникает уникальный диалог исторического романиста, восстанавливающего сложнейший период жизни России («На задворках Великой империи»), с романистом, запечатлевшим эпоху, активным участником и идеологом которой он был («Жизнь Клима Самгина»).

Ключевые слова: М. Горький, В. Пикуль, исторический роман, революция 1905 года, Гапон, полемика

A. A. Mitrofanova

MAXIM GORKY IN VALENTIN PIKUL'S NOVELS

The article deals with establishing connections between works by M. Gorky and V. Pikul. Gorky happens to be a character in Pikul's novel "On the Outskirts of a Great Empire". Pikul worked with Gorkiy's journalism, his letters and archive as with historical sources. One can sense the author's polemics with Gorky's ideological position. Within the context of 20th century culture there appears a unique dialogue of a historical novelist, recreating a certain period of life in Russia ("On the Outskirts of a Great Empire"), and a novelist depicting the epoch that he witnessed and participated in ("Life of Klim Samgin").

Keywords: M. Gorky, V. Pikul, a historical novel, revolution of 1905, Gapon, polemics.

Имеются основания для установления типологических связей между личностями и творчеством Максима Горького и Валентина Пикуля. Прежде всего их сближает колоссальная популярность: Горький «был самым издаваемым в СССР советским писателем: за 1918–1986 гг. общий тираж 3556 изданий составил 242,621 млн экземпляров» [11]; Пикуль — крупнейший исторический романист в русской литературе XX в. с «общим тиражом книг полмиллиарда» [2, с. 106]. Востребованность у читателей свидетельствует о совпадении с читательскими ожиданиями, об укорененности в национальной культуре.

В детские годы проявились присущие обоим мужество, сила воли, физическая выносливость. Оба самоучки, представляющие собой коренной русский творческий тип, сформированный в логоцентричной национальной культуре. Преклонение перед книгой, колоссальное трудолюбие в приобретении знаний, вера в возможности книжной культуры способствовать развитию человечества — объединяют Пикуля и Горького.

Горький и Пикуль, при невероятной начитанности, обладали столь же феноменальной памятью. Известно свидетельство В. Ф. Ходасевича:

«На своем веку он прочел колоссальное количество книг и запомнил всё, что в них было написано. Память у него была изумительная. Иногда по какому-нибудь вопросу он начинал сыпать цитатами и статистическими данными. На вопрос, откуда он это знает, вскидывал он плечами и удивлялся:

— Да как же не знать, помилуйте? Об этом была статья в «Вестнике Европы» за 1887 год, в октябрьской книжке» [18, с. 224].

По свидетельству Антонины Ильиничны Пикуль, «несмотря на множество книг (а их насчитывается более десяти тысяч), каталога личной библиотеки у Пикуля не было. Он знал ее наизусть, он помнил каждую книгу, знал, где она лежит, какие материалы содержит» [13, с. 239].

Пикуль обратился к наследию М. Горького и создал его образ в своем втором романе — «На задворках Великой империи» (1 часть «Плевель», 1964, 2 часть «Белая ворона», 1966) в тот важный период, когда уже заявил о себе как историческом романисте, однако еще не разработал индивидуальный творческий метод. В романе воссоздаются российская общественная жизнь, предшествовавшая революции 1905–1907 гг., революционные события, учреждение и разгон 1-й Государственной думы, покушение на П. А. Столыпина 1906 г.

Н. М. Коняев (с 1984 г. редактор Пикуля) определяет сказовость как главный способ организации повествования в его исторических романах. «Образ сказителя — этого мудрого, многое испытавшего и пережившего на своем веку человека» [10] — позволяет осуществлять связь между воссоздаваемой эпохой и современным Пикулью читателем, при этом вуалирует в тексте авторское присутствие, прямые оценки лиц и событий. Преимущества данной повествовательной формы Пикуль освоил в романе

«На задворках Великой империи». Можно предположить, что писатель принял во внимание и горьковский опыт организации повествования в «Жизни Клима Самгина», посвященной сложнейшему, не поддающемуся окончательной трактовке периоду русской истории.

Е. Ш. Галимова объясняла выбранный Горьким способ повествования от 3-го лица, ориентированного на сферу сознания Клима Самгина, следующим образом:

«автор-повествователь оставляет за собой скромную роль фиксатора, бесстрастного художника, способного показать и главного героя <...> и других персонажей, и те или иные события, но воздерживающегося от какой-либо оценки, в том числе и от “скрытой” оценки с помощью образно-выразительных средств» [3, с. 96].

Анализируя речевую структуру эпопеи, Л. К. Оляндэр и В. Т. Захарова определили также, что ее «смыслообразующими элементами являются широко представленные в тексте многочисленные интертекстуальные вкрапления», благодаря которым «реалисту Горькому удалось объективно создать в романе огромный, сложный по своей структуре гипертекст русской культуры, вбирающий в себя ее прошлое и настоящее» [12, с. 61].

Цитатность органична для сказового стиля романа Пикуля «На задворках Великой империи»: звучат голоса участников событий, соседствуют разнесенные во времени мнения.

Так, из событий 9 января 1905 года Пикуль оформляет как самостоятельный эпизод драматическую сцену появления в квартире Горького священника Гапона:

«В створку двери выглядывал чей-то острый татарский глаз.

— Пуссти, — взмолился Гапон этому глазу.

<...>

Гапон ворвался в комнаты, крикнул:

— Вина-а!.. — выпил два стакана подряд, его трясло. — Что делать? — спросил надрывно. — Рутенберг здесь? (Рутенберг вырос рядышком.) Ты не уходи, — просил его Гапон, — ты опытный.

Савва Морозов раскурил тонкую папиросу: он был смел, как витязь. И ему претила чужая трусость.

— Алеша, усмири попа...

— Надо идти до конца, — глухо сказал Горький. — Всегда идти до самого конца... Даже если погибнем!

Присев к столу, отставив ногу, Гапон быстро черкнул записку к рабочим за Нарвскую заставу, где сообщил, что занят «их делом». Потом оглядел всех и сказал:

— Ну, а теперь... спрячьте меня от полиции!» [15, с. 58].

Данная сцена представляет собой редукцию соответствующего эпизода из 2-й книги «Жизни Клима Самгина» (1928), связь текстов маркируют

цитатные элементы: у Горького дверь Самгину открывает «человек с лицом татарина, с недоверчивым взглядом острых глаз» [7, с. 528]. При этом Пикуль расставляет свои акценты, привлекая другие горьковские тексты: письмо М. Горького Е. П. Пешковой от 9 января 1905 года, очерк «9 января» (ноябрь–декабрь 1906) и — в большой степени — очерки «Поп Гапон» (апрель 1906) и «Савва Морозов» (1923).

Кратко обозначим контуры воссоздаваемой в горьковских текстах действительности, памятуя о существенной для горьковедения проблеме соотношения в творческом наследии писателя реальных фактов и художественного вымысла. Л. А. Спиридонова подчеркивает, что «наиболее сложные формы сплетения фактов и вымысла мы находим в эпопее Горького “Жизнь Клима Самгина”» [16, с. 48].

Письмо Е. П. Пешковой насыщено экспрессией героического воодушевления, обусловленной убежденностью Горького в том, что Гапон — подлинный вождь рабочих:

«Гапон каким-то чудом остался жив, лежит у меня и спит. <...> Это человек страшной власти среди путил[овских] рабочих, у него под рукой свыше 10 т. людей, верующих в него, как в святого. Он и сам веровал до сего дня — но его веру расстреляли. Его будущее — у него в будущем несколько дней жизни только, ибо его ищут, — рисуется мне страшно интересным и значительным — он поворотит рабочих на настоящую дорогу» [9].

В очерке «Поп Гапон», опубликованном в 1957 г. — в период работы Пикуля над романом, Горький целенаправленно лишает Гапона статуса подлинного вождя рабочих: сообщает о связи с охранным отделением, объясняет его популярность распространенной в среде простого народа идеей «царь и народ», утверждает, что его выдвинули вперед обстоятельства. Звучит авторское мнение, что «многое в истории попа очень темно» [4, с. 398], приводятся свидетельства его денежных махинаций, рассказывается о самоубийстве разочарованного в Гапоне Черемохина — ставится под сомнение честность его намерений в отношении рабочих.

Между тем описание появления Гапона в горьковской квартире выражает сочувственное авторское отношение:

«<...> он произвел на меня трогательное и жалкое впечатление ошипанной курицы. Его остановившиеся, полные ужаса глаза, охрипший голос, дрожащие руки, нервная разбитость, его слезы и возгласы: «Что делать? Что я буду делать теперь? Проклятые убийцы...» — всё это плохо рекомендовало его как народного вождя, но возбуждало симпатию и сострадание к нему как просто человеку, который был очевидцем бессмысленного и кровавого преступления. Вместе с ним ко мне явился один революционер,

молодой, энергичный парень, имевший сильное влияние на Гапона в смысле революционном. Он сурово сказал попу: — Довольно, батька! Довольно вздохов и стонов. Рабочие ждут от тебя дела... Гапон несколько оправился, и вскоре под его диктовку революционер написал сильное обращение к рабочим» [4, с. 395–396].

То есть очерк отражает противоречивость авторской позиции, позволившую П. Басинскому счесть, что «Горький был неискренен» [1, с. 322].

В образных картинах очерка «9 января» Горький показывает поведение народной массы, определяемое ее неразвитым сознанием. Отношение к Гапону здесь приравнивается вере в милость «батюшки-царя» и целиком передается в речевую сферу анонимных персонажей из толпы рабочих: «Отец Гапон лучше знает как» [6, с. 324]. Во время расстрела начинают звучать и противоположные, свидетельствующие о пробуждении сознания отдельных рабочих оценки: «он изменник нам, он повел нас на смерть» [6, с. 331]. Однако завершающая очерк идеологическая оценка — «Рабы» — свидетельствует, что автор полностью дистанцируется от деятельности Гапона: это пишет «революционер, делающий ставку на партийную элиту» [1, с. 321].

Впервые напечатанный в 1946 г., очерк «Савва Морозов» состоит из двух частей: во-первых, Горький рассказывает о талантливом русском народном типе Савве Морозове — русофиле, народолюбце, работнике, любителе Пушкина, европейце, о своем настоящем друге и спасителе.

Во-вторых, он подробно восстанавливает события 9 января. Здесь осуществляется эскизная подготовка к написанию соответствующих эпизодов в «Жизни Клим Самгина»: расстрелы у Троицкого и Полицейского мостов, у Александровского сквера предметны и насыщены сильной экспрессией.

Появление Гапона в квартире Горького начинается уверением в отсутствии какой-либо заинтересованности автора в «вожде» рабочих: «Это было странно: я видел Гапона только издали, на собраниях рабочих, и не был знаком с ним» [5, с. 522]. Окрашивающая описание физических действий Гапона, авторская негативная оценка направлена на разоблачение его трусости:

«<...> Савва, играя роль швейцара и телохранителя, сказал угрюмо:

— Гапон прибежал.

В комнату сунулся небольшой человек с лицом цыгана, барышника бракованными лошадьми, сбросил с плеч на пол пальто, слишком широкое и длинное для его тощей фигуры, и хрипло спросил:

— Рутенберг — здесь?

И заметался по комнате, как обожженный, ноги его шагали, точно вывихнутые, волосы на голове грубо обрезаны, торчали клочьями, как неровно оборванные, лицо мертвенно-синее, и широко открытые глаза — остеклели, подобно глазам покойника. Бегая, он бормотал:

— Дайте пить! Вина. Всё погибло. Нет, нет! Сейчас я напишу им.

Потом бессвязно заговорил о Фуллоне, ругая его. Выпив, как воду, два чайных стакана вина, он требовательно заявил:

— Меня нужно сейчас же спрятать, — куда вы меня спрячете?» [5, с. 523].

Носителем идеологической точки зрения Горький делает Савву Морозова: «если даже такой, — он брезгливо сморщился, проглотив какое-то слово, — может двигать тысячами людей, значит: дело Романовых и монархии — дохлое дело!» [5, с. 525]. Слова «Революция обеспечена! Года пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день», коррелирующие с горьковской героизацией жертв в письме Е. Пешковой, здесь приписаны Савве, в то время как себе Горький оставляет ответную «гуманную» реплику «Жалко людей» [5, с. 525].

Во 2-й книге «Жизни Клим Самгина» в насыщенной топонимами стилистике документальной прозы воссоздан петербургский маршрут самого Горького. Изобразительное повествование запечатлевает события 9 января как непосредственно переживаемые Климом Самгиным: с Невского проспекта герой идет в Тенишевское училище на Моховой, затем перебирается через Литейный мост на Выборгскую сторону, оттуда вместе с рабочими через Сампсониевский мост на Петроградскую сторону. Перед Троицким мостом он попадает под расстрел. Солдаты продолжают убивать людей у Каменноостровского, когда толпа бежит к Биржевому мосту. По льду Невы Самгин идет к Марсову полю, потом на Невский, вместе с толпой подходит к Дворцовой площади: выход на площадь у Александровского сквера заблокирован солдатами. Он бежит по Гороховой на Мойку, по ней — к Певческому мосту.

Конечным пунктом движения героя становится квартира Горького (д. 20, кв. 29) на Знаменской улице (ул. Восстания). Образные описания из перволичного очерка «Савва Морозов» переводятся в сферу восприятия Самгина, трансформируются в соответствии с его речевой манерой и насыщаются его отрицательной экспрессией. Отношение к Гапону автобиографического «рыжеусого» персонажа передано через внешние проявления и не проясняется: «казалось, что он воткнул в зубы себе папиросу только для того, чтобы не закричать на попа» [7, с. 531]. Горький приводит противоположные ответы на ключевой вопрос, является ли Гапон истинным вождем рабочих: мнение гапоновца «Рабочий народ очень любит батюшку» [7, с. 532] соседствует с уничтожающей иронией Саввы, поддержанной автобиографическим героем.

Горький суммирует смыслы, составляющие образ Гапона в его предшествующих текстах, и распределяет их по субъектным сферам Самгина, Саввы, автобиографического героя, других персонажей — достигается стереоскопический эффект. При этом выводит из повествования свое личное отно-

шение. Двусмысленность слов рыжеусого «Никаких легенд!» [7, с. 532] сохраняет свободу для читательских интерпретаций.

В сцене появления Гапона на квартире Горького В. Пикуль использует детали из эпопеи и очерка «Савва Морозов»: неумело обретенные волосы, два стакана вина [5, с. 523], брезгливое отношение Саввы к трусости Гапона. Однако прямая номинация героя «Максим Горький» и приданная ему реплика «Надо идти до конца <...> Всегда идти до самого конца... Даже если погибнем!» [15, с. 58] подтверждают причастность Горького делу и судьбе Гапона. Пикуль явно принимает во внимание горьковское отношение к Гапону из более ранних текстов.

«В “Жизни Клим Самгина” звучит мысль о грандиозной провокации, задуманной охранкой в начале 1905 г.» [16, с. 48]. В романе «На задворках Великой империи» последовательно разоблачается провокаторская деятельность Гапона и связанного с ним Азефа, действия которых регулирует Департамент полиции. Разоблачается в романе эсер П. М. Рутенберг, которого в очерке «Савва Морозов» Горький рекомендует «учителем и другом попа, принужденным через два года удавить его» [5, с. 523] и, как и в очерке «Поп Гапон», выводит из сферы своей идеологической оценки. Одна из центральных тем романа Пикуля — деятельность провокаторов, «эксов», политических авантюристов, усиливавших неразрешимость антагонистических противоречий в общественной жизни России.

Отдельной задачей Пикуля было восстановить историческую справедливость в отношении дорогого ему, с 15 лет воевавшему в Заполярье рулевым на эскадренном миноносце «Грозный», сословия — военных:

«Отказались стрелять в народ 9 января матросы гвардейского экипажа. Потом дрогнули ряды убийц, и, печатая шаг, ушла прочь рота Преображенского полка, командир которой, князь Оболенский, тоже решил не участвовать в убийстве... “Этот потомок декабристов — молодец!”» [15, с. 60].

«Матросов гвардейского экипажа», загородивших выход с Гороховой улицы на площадь, отдельно упоминает и Горький: именно они помогают рассказчику в очерке «Савва Морозов» и Климу Самгину избежать расправы.

Пикуль разделял горьковскую оценку личности и деятельности Николая Второго («подлейший из всех подлых дней царствования жалкого царя» [5, с. 522]), однако обусловленная социально-классовым подходом тенденциозность образов ряда горьковских героев ему чужда.

Более того, фокус романа Пикуля сосредоточен на правящем сословии Российской империи. Главным и положительным, даже любимым героем писателя является губернатор. Князь Сергей Яковлевич Мышецкий (его прототип — князь С. Д. Урусов, член 1-й Государственной думы), закончивший

училище правоведения, статистик, сторонник реформ и патриот России — это образ, типологически родственный горьковскому образу «белой вороны» Саввы Морозова из очерка Горького:

«<...> я помнил, что в России „белые вороны“, „изменники интересам своего класса — явление столь же частое, как и в других странах. У нас потомок Рюриковичей — анархист, граф — „из принципа“ — пашет землю и тоже проповедует пассивный анархизм; наиболее яркими атеистами становятся богословы, а литература „кающихся дворян“ усердно обнажала нищету своей сословной идеологии» [5, с. 501].

Пикуль использует фразеологизм «белая ворона» именно как горьковскую цитату и выносит ее в сильную позицию названия 2-й части своего романа. Губернаторствуя в Уренской губернии, князь Мышецкий старается облегчить участь переселенцев в Сибирь, местных крестьян, умиротворить местные политические разногласия. Его идеологическое кредо основано на преданности России. Он становится жертвой бомбистов и объясняет опасность своей должности на поле общественного служения России:

«Виноваты во всем будем мы... губернаторы! Вы знаете, сейчас мало охотников до губерний! Вся спешит устроиться по департаменту. И спокойнее, и не надо общаться с милым народом. Только вот такие белые вороны, как я, еще надеются на лучшее» [15, с. 195].

В разговоре с большевичкой Галиной Федоровной Корево князь определяет ближайшее будущее России последствиями русско-японской войны, приведшей к обнищанию народа. Он осознает закономерность революционной смены власти, но отрицает декларируемую большевиками необходимость диктатуры пролетариата: «я не могу лишь согласиться с вашим лозунгом классовой борьбы <...> Нельзя вырезать сословие людей, давшее России великие таланты...» [15, с. 498].

В рукописных материалах к 3-й книге романа, о неосуществленном замысле которой подробно сообщает А. И. Пикуль [14], князь Мышецкий остается в России, доживает до первой блокадной зимы и умирает под белым снегом на дворе училища правоведения на Фонтанке.

На последних страницах рукописи есть описание: «Никто сейчас не узнал бы в сухом жилистом человеке, подбиравшем на перроне махорочный окуроч, бывшего князя, бывшего губернатора и камергера. Он был н и к т о — просто так, человек („бывший“)» [15, с. 506].

Троекратный повтор лексической единицы маркирует ее цитатность. Пикуль обращается к рассказу «Бывшие люди» (1897) не случайно: ему важны автобиографические произведения раннего Горького. В статье «О том, как я учился писать» (1928) Горький отмечает:

«Изображенного мною в „Бывших людях“ содержания ночлежки Кувалду я увидел впервые в камере мирового судьи Колонтаева. Меня поразило чувство собственного достоинства, с которым этот человек в лохмотьях отвечал на вопросы судьи, презрение, с которым он возражал полицейскому <...>» [8, с. 312].

Данное глубоко личное отношение Горького к человеку, чье благородство является внеположной любой идеологии ценностной характеристикой, близко Пикулью. Пикуль разделяет горьковский чисто эстетический принцип, согласно которому безусловная красота образа героя определяется его этической сущностью. Поэтому во фрагменте романа «На задворках Великой империи», где изображена писательская деятельность М. Горького, отсутствует его прямая номинация — образная картина процесса творчества родственна самому Пикулью:

«А вдоль промозглой камеры номер тридцать девять в Трубецком бастионе Петропавловской крепости расхаживал высокий худой человек с обвислыми усами. Сухо покашляв, он присаживался к столу, и ледяной холод железа пронизывал его большие работающие руки. Бумага, на которой он работал, была пронумерована в департаменте полиции.

Узник работал по ночам. И часовые нередко пугались: тишина, мрак, и вдруг по крепости разносится хохот, — это смеется, назло всему, заключенный в камере номер тридцать девять. „Уж не спятил ли?“ — говорили стражи. Нет. Это был здоровый смех — смех творчества. „Дети солнца“ — так называлась рукопись...» [15, с. 68].

Предложенная в данной статье тема требует дальнейшего изучения. В других произведениях В. Пикуля: в романе «Честь имею», в миниатюре «Быть главным на ярмарке», посвященной нижегородскому губернатору Н. М. Баранову, — продолжается творческий диалог с М. Горьким.

Сделав Горького героем романа «На задворках Великой империи», Пикуль деликатно, но отчетливо восстановил его активную причастность делу Гапона. Творческий метод исторического романиста способствовал осуществлению разделяемого исследователями, занимающимися автобиографическим началом в творчестве Горького, принципа: «Деканонизация <...> обозначает возвращение в исторический контекст, так как предшествующая “канонизация” равнозначна выведению предмета из исторического времени и перемещению его в над-историческую сферу мифа» [17, с. 91].

Идейная полемика В. Пикуля с М. Горьким обусловлена в первую очередь уничтожением целого сословия — дворянства, созидательная деятельность которого была направлена на процветание России. Незаслуженно забытые имена деятелей России вне зависимости от классовой принадлежности, офицеры, служилое дворянство — положительные герои в системе его персонажей. Пикуль стремился восстановить баланс исторических сил и написал свой второй роман о губернаторе — «Белой вороне», о «бывшем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451 с.
2. Выдающиеся русские латвийцы. Биографический справочник. Рига: IK ZORIKS, 2008.
3. Галимова Е. Ш. Поэтика повествования русской прозы XX века (1917–1985): Учеб. пособ. Арх-к: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. 232 с.
4. Горький М. Поп Гапон // Горький М. Полн. собр. соч. Худож. пр-я в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. С. 390–402.
5. Горький М. Савва Морозов // Горький М. Полн. собр. соч. Худож. пр-я в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 498–526.
6. Горький М. 9 января // Горький М. Собр. соч. в 16 тт. М.: Изд-во «Правда», 1979. Т. 4. С. 323–346.
7. Горький М. Жизнь Клима Самгина // Горький М. Собр. соч. в 16 тт. М.: Изд-во «Правда», 1979. Т. 12.
8. Горький М. О том, как я учился писать // Горький М. Собр. соч. в 16 тт. М.: Изд-во «Правда», 1979. Т. 16. С. 281–314.
9. Горький М. Письмо Е. Пешковой // URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-303.htm> (дата обращения 15.12.2018).
10. Коняев Н. М. Марш мертвых команд // URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/42112.php> (дата обращения 15.12.2018).
11. Максим Горький и Вятка // URL: <http://vyatkawalks.ru/articles/maksim-gorkiy-i-vyatka/> (дата обращения 15.12.2018).
12. Оляндэр Л. К., Захарова В. Т. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького: своеобразие художественного осмысления проблем культуры // Acta Eruditorum, 2018. Вып. 27. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. С. 59–64.
13. Пикуль А. И. Валентин Пикуль. Из первых уст. М.: Вече, 2001. 430 с.
14. Пикуль А. И. Валентин Пикуль. М.: Молодая гвардия, 2018. 464 с.
15. Пикуль В. С. На задворках Великой империи. Книга вторая. Белая ворона / Сост. А. И. Пикуль. М.: Вече, 2016. 544 с.
16. Спиридонова Л. М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.
17. Уртминцева М. Г. Автобиографическое начало в художественной структуре произведений М. Горького 1890-х — 1900-х годов // Acta Eruditorum, 2018. Вып. 27. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. С. 90–95.
18. Ходасевич В. Горький // Ходасевич В. Некрополь. СПб., 2001. С. 216–255.